

MODERNIZATION OF THE RECONCILIATION INSTITUTE IN CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: FROM CASUISTIC LIST TO CATEGORICAL FILTER

Yakubov Alexander Sandzharovich

Honored Lawyer of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of
Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan. E-mail:
aleksandryakubov1955@gmail.com. ORCID

Tajibayeva Dildora Abdurakhimovna

Associate Professor, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Academy of
Labor and Social Relations under the Federation of Trade Unions of
Uzbekistan, Head of the Department of Jurisprudence, Tashkent,
Republic of Uzbekistan. E-mail: eldorado.dt7@gmail.com. ORCID:
0009-0002-7624-8814.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21867158>

ARTICLE INFO

Received: 24th July 2026
Accepted: 29th July 2026
Online: 30th July 2026

KEYWORDS

Reconciliation of parties;
plea bargaining;
sentencing; active
remorse; categorization
of crimes; restorative
justice; harm
compensation; criminal
policy; criminal law of
Uzbekistan

ABSTRACT

This article provides a critical analysis of the institution of reconciliation in the criminal law of the Republic of Uzbekistan and substantiates the need for its conceptual modernization. The authors identify the main problem in the terminological and doctrinal inconsistency of substantive and procedural legislation, demonstrate that the lack of clear categorical restrictions creates the risk of excessive punitive measures, and justify the need for legislative stability, eliminating the need for constant adjustments, and the creation of a predictable restorative justice system based on a categorical approach.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ОТ КАЗУАЛЬНОГО ПЕРЕЧНЯ К КАТЕГОРИАЛЬНОМУ ФИЛЬТРУ

Якубов Александр Санджарович

Заслуженный юрист Республики Узбекистан, профессор, доктор юридических наук, г. Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail:
[\[aleksandryakubov1955@gmail.com\]](mailto:aleksandryakubov1955@gmail.com) ORCID

Таджибаева Дилдора Абдурахимовна

доцент, доктор философии (PhD) юридических наук, [АТСО при Федерации Профсоюзов Узбекистана, заведующая кафедрой Юриспруденции], г. Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: [\[eldorado.dt7 @ gmail.com\]](mailto:eldorado.dt7@gmail.com)

ORCID: 0009-0002-7624-8814

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21867158>

ARTICLE INFO

Received: 24th July 2026
Accepted: 29th July 2026
Online: 30th July 2026

ABSTRACT

Статья посвящена критическому анализу института примирения сторон в уголовном праве Республики

KEYWORDS

Примирение сторон; признание вины («plea bargaining»); назначение наказания; деятельное раскаяние; категоризация преступлений; восстановительное правосудие; заглаживание вреда; уголовная политика; уголовное право Узбекистана

Узбекистан и обоснованию необходимости его концептуальной модернизации. Авторы выявляют основную проблему в терминологической и доктринальной несогласованности материального и процессуального законодательства, доказывают, что отсутствие четких категориальных ограничений создает опасность применения чрезмерных карательных льгот, обосновывают обеспечение стабильности законодательства, исключающего необходимость постоянных корректировок и создание предсказуемой системы восстановительного правосудия при категориальном подходе.

Социальный институт назначения наказания лицу, признавшему свою вину, нормативно обособленный в статье 57² Уголовного Кодекса Республики Узбекистан представляет собой важнейший поощрительный инструмент, направленный на оптимизацию правосудия, процессуальную экономию и стимулирование позитивного постпреступного поведения субъекта ответственности.

Историко-правовой и системный анализ показывает, что внедрение этой нормы Законом № ЗРУ-675 Республики Узбекистан от 18 февраля 2021 года [1] произошло в условиях глубокого доктринального отрыва материального права от ранее оформленных институтов. В отечественном уголовном праве ещё на основании Закона № 255-II Республики Узбекистан от 29 августа 2001 года [2] появился фундаментальный институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением, закрепленный в статье 66¹ Уголовного кодекса.

Сопоставление норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов обнаруживает очевидную и недопустимую терминологическую нестыковку одного и того же по своей юридической природе процессуального института, когда материальный закон оперирует размытым понятием «соглашение о признании вины», в то время как процессуальный регламент ориентирован на процедуры примирения сторон и заглаживания вреда.

Более того, действующая редакция статьи 57² Уголовного кодекса Республики Узбекистан страдает глубокой неконкретностью и внутренней незавершенностью, порождающей опасные правоприменительные парадоксы.

Коль скоро, исходя из текста, законодатель не рассматривает эту норму, как одно из последствий института примирения, а сконструировал некий самостоятельный институт «соглашения о признании вины», что далеко не тождественно понятию о примирении, то при буквальном

толковании текста нормы, устанавливающей, что срок или размер наказаний по преступлениям, по которым заключено это специфическое соглашение, не может превышать половины максимальной санкции, позволяет применять эту колоссальную карательную льготу абсолютно ко всем категориям общественно опасных деяний, включая умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах, акты терроризма или посягательства на конституционный строй Республики Узбекистан. Отсутствие чётко очерченных категориальных фильтров в материальном праве вступает в жесткое противоречие с международными стандартами правосудия и базовыми принципами справедливости и неотвратимости ответственности, превращая уголовный закон в инструмент неоправданного компромисса с лидерами системного криминалитета.

Модернизация данного института в рамках новой архитектоники общей части требует его радикальной трансформации из узкопроцессуального соглашения о признании вины в полноценную уголовно-правовую норму, жестко синхронизированную со всей предлагаемой в современной доктрине уголовного права бинарной [3] и многосубъектной системой воздействия [4].

Первым вектором реформирования становится четкое законодательное ограничение сферы действия этой нормы. Необходимо императивно закрепить, что

гарантированное снижение наказания до половины от максимума санкции статьи Особенной части может применяться исключительно по преступлениям, не относящимся к категории тяжких и особо тяжких, полностью блокируя доступ к этому поощрительному благу лицам, совершившим посягательства высшей степени общественной опасности.

Вторым стратегическим направлением кодификации выступает распространение правил признания вины (в смысле действующей редакции) на юридических лиц, что полностью отсутствует в действующем праве Узбекистана. Для корпоративного сектора соглашение о признании виновности материализуется в безусловном признании факта криминального эксцесса со стороны органов управления, сопряженном с готовностью организации претерпеть экономическое и операционное воздействие, выплатить до половины сниженные штрафы и войти в режим жесткого комплаенс-патронажа под контролем органов пробации или других уполномоченных органов. Внедрение института примирения для юридических лиц соответствует международной практике корпоративного уголовного права и создает стимулы для добровольного раскрытия правонарушений, сотрудничества с правоохранительными органами и внедрения эффективных систем комплаенса.

Но это не самые важные проблемы. Основная проблема

кроется в системной коллизии, которую создал законодатель. Доктринальная ошибка законотворца новеллы 2021 года состоит в механическом копировании англо-американского термина «plea bargaining» (соглашение о признании вины) с игнорированием уже существовавшего в Узбекистане с 2010 года института назначения наказания при деятельном раскаянии.

Таким образом необходимость концептуального переосмысления природы рассматриваемой нормы диктуется острой необходимостью устранения недопустимой коллизии между смежными институтами Общей части, возникшей в результате терминологической небрежности. Действующее именование и содержание статьи 57² Уголовного Кодекса Республики Узбекистан оперирующей дефиницией «соглашение о признании вины», вступает в неразрешимое противоречие с ранее интегрированным институтом назначения наказания при деятельном раскаянии.

В рамках модернизированной статьи о назначении наказания при деятельном раскаянии, самостоятельными проявлениями позитивного пост-преступного поведения уже признаны «явка с повинной» и «чистосердечное раскаяние», которые онтологически немыслимы без полного, глубокого и безоговорочного признания субъектом своей вины в совершенном общественно опасном содеянном. При этом классические акты раскаяния

носят сугубо односторонний, инициативный характер и не требуют особого процессуального конструирования каких-либо соглашений. Искусственное выделение «признания вины» в качестве самостоятельного основания для иной более льготной скидки соразмерности карательного воздействия (половины вместо двух третей) порождает доктринальный абсурд и дезориентирует правоприменителя, вынужденного дважды оценивать один и тот же ментальный акт подсудимого.

Настоящая норма приобретает статус автономного материально-правового поощрительного института Общей части исключительно тогда, когда её содержанием выступит не голая констатация факта признания виновности, а юридический факт достижения двухстороннего компромисса, зафиксированный в специальном процессуальном акте – соглашении о примирении сторон. Данный институт отражает качественно иной уровень позитивного поведения, при котором правонарушитель не просто раскаивается перед государством, а вступает в активное регламентированное нормами Уголовно-процессуального кодекса взаимодействие с потерпевшим, направленное на безоговорочное заглаживание вреда, восстановление нарушенных прав и окончательную ликвидацию межличностного или корпоративного конфликта.

Таким образом, переименование статьи 57² Уголовного Кодекса

Республики Узбекистан в «Назначение наказания при заключении соглашения о примирении» полностью ликвидирует внутри- и межотраслевую коллизию, проводит непреодолимый водораздел между односторонним раскаянием и многосторонним договорным компромиссом, обеспечивая безупречную чистоту квалификации и системное единство материального уголовного закона и уголовно-процессуального регламента Республики Узбекистан.

Глубинная первопричина системных технико-правовых несовершенств и внутренней дезорганизации рассматриваемого института берет свое начало в ошибочном методологическом подходе, заложенным правотворцем ещё при первоначальном конструировании института примирения Законом №255-II от 29 августа 2001 года. Избрав в качестве регулятивного инструмента казуальный (перечневой) метод фиксации конкретных видов преступлений, по которым допускается примирение сторон в рамках статьи 66¹ Уголовного кодекса и Главы 62 Уголовно-процессуального кодекса, законодатель обрёл обе отрасли права на перманентный кризис стабильности.

Стремление создать исчерпывающий список статей Особенной части обернулось формированием тяжеловесных, перегруженных номерами и пунктами нормативных конструкций,

подвергавшихся многократным, хаотичным и порой диаметрально противоположным корректировкам. В процессе этих бесконечных изменений из перечня судорожно исключались одни составы и инкорпорировались другие, причем в первоначальных редакциях реформы уголовное снисхождение парадоксальным образом распространялось даже на ряд тяжких посягательств, что дезорганизовало судебную практику. Более того, при списочном подходе полностью утрачивается единая законодательная логика и системность уголовно-правовой политики. Необъяснимый доктринальный дуализм привел к ситуации, при котором причинение крупного материального ущерба при одних посягательствах, например, при мошенничестве (ст.168 УК) или причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием (п. «в» ч.2 ст.170 УК), признается абсолютным препятствием для запуска согласительных процедур, в то время как при совершении иных, не менее опасных экономических деликтов, связанных с преднамеренным банкротством (лженеплатежеспособностью ст.180 УК) или сокрытием неплатежеспособности (ст.181 УК), крупный ущерб не выступает блокирующим фактором.

Преодолеть этот хронический дефект казуального правотворчества позволяет разработанная принципиальная новая концепция бинарной категоризации

общественно опасных деяний. Вместо подвижного и уязвимого перечисления конкретных составов преступлений, Новый Уголовный Кодекс Республики Узбекистан должен внедрить универсальный, стабильный и математически выверенный категориальный фильтр. В соответствии с этой моделью институт примирения сторон и заглаживание вины должен полностью и безоговорочно распространяться на всю без исключения категорию преступных правонарушений (уголовных проступков), выступая генеральным способом их правового разрешения. В отношении классических преступлений сфера действия поощрительного компромисса может строго ограничиваться лишь частью менее тяжких посягательств, а именно теми составами, в санкциях которых максимальный предел наказания в виде лишения свободы жестко лимитирован законом и не превышает трех лет.

Такое архитектурное решение наделяет законодателя высокоэффективным и гибким инструментом регулирования уголовной политики непосредственно через Особенную часть Уголовного Кодекса. Если определенный вид криминального деликта, формально относящегося к менее тяжким деяниям, признается государством нежелательным или общественно опасным для применения согласительных процедур примирения, законодателю более не потребуется вносить изменения в Общую часть Кодекса.

Ему достаточно скорректировать санкцию конкретной статьи в Особенной части, установив повышенный срок изоляции от общества в интервале от трех до пяти лет лишения свободы. Данный маневр автоматически и безвозвратно выведет конкретный состав из-под действия института примирения.

Внедрение категориального ценза раз и навсегда загладит проблему технической пробельности, полностью исключит бесконечный процесс лоскутных корректировок материального и процессуального законов, обеспечивая нерушимую стабильность следственно-судебной практики и преобразует назначение наказания при примирении в кристально чистый, предсказуемый и справедливый алгоритм поощрительного и восстановительного правосудия в Республике Узбекистан.

На основании доктринального анализа предлагаем следующую модель законодательного конструирования законодательного материала:

«Статья №__. Назначение наказания при заключении соглашения о примирении»

1. При назначении наказания лицу, заключившему процессуальное оформленное соглашение о примирении сторон, при условии полного возмещения причиненного ущерба по деяниям, относящимся к категории преступных правонарушений, а равно к категории менее тяжких преступлений за которое в санкции статьи Особенной части настоящего Кодекса

предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не более трех лет, срок или размер окончательного наказания не может превышать половины (вариант – одной второй) максимального наказания, установленного санкцией статьи Особенной части настоящего Кодекса.

2. При назначении наказания юридическому лицу, заключившему соглашение о примирении сторон на условиях, предусмотренных частью первой настоящей статьи, окончательно назначенный размер штрафа или срок операционного наказания не может превышать половины (вариант – одной второй)

максимального основного вида наказания, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

3. При наличии в санкции статьи наказания в виде принудительной ликвидации юридического лица оно не может быть назначено при наличии соглашения о примирении.

4. При наличии условий, предусмотренных частью первой настоящей статьи, суд вправе, с учетом характера содеянного и личности виновного лица или структуры управления юридического лица, не назначать обязательные дополнительные наказания».

References:

1. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-675 от 18 февраля 2021 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Узбекистан». // Национальная база данных законодательства, 18.02.2021, № 03/21/675/0126.
2. Закон Республики Узбекистан № 255-II от 29 августа 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности в связи с либерализацией уголовных наказаний». // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2001, № 9-10, ст. 165.
3. См. Рустамбаев М.Х., Якубов А.С. Концепция либерализации уголовного законодательства Республики Узбекистан в связи с внедрением Кодекса о проступках. – Ташкент: Университет общественной безопасности Республики Узбекистан, 2016. – 93 с.; Рустамбаев М.Х., Якубов А.С. Criminal misdemeanor: «pros» and «cons» / Уголовный проступок: «за» и «против». // Материалы II международного форума «Передовой мировой криминологии», Самарканд, 17-18 ноября 2025. O'zbekiston Respublikasi KRIMINOLOGIK TADQIQOT INSTITUTI. – Ташкент, 2025. – С.36–46.
4. См. Якубов А.С., Азим Шухрат. Социальная обусловленность уголовной ответственности юридических лиц. // KRIMINOLOGIYA FAOLIYATI, 2025 (2), №1. – С. 42–48; Якубов А.С., Азим Шухрат. Историко-правовые предпосылки регламентации уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве Узбекистана // Криминология, 2025, №1. – С.35–41; Якубов А.С., Азим Шухрат.

Механизм правовой регламентации уголовной ответственности юридических лиц.
// KRIMINOLOGIYA FAOLIYATI, 2025 (4), №3. – С.9–18.